

ИЗМАЙЛЬСКИЙ РОМАНТИК

Владикавказ — город, в котором я родился, — не оставил ярких следов в моей памяти. Это была первая "потемкинская деревня" из трех, которые мне подарила судьба.

Помню, Терек распадался в центре города на несколько рукавов. С моста через Терек, если смотреть в сторону предгорий Казбека, можно было наблюдать целый ряд островков из горных булыжников и гальки. На противоположной стороне, сбросив энергию с высокой плотины, Терек превращался во что-то вроде большого пруда для городского парка, знаменитого на весь Кавказ своей красотой, комфортом и европейской планировкой, футбольным стадионом и многочисленными аттракционами для детских развлечений. Здесь было все, вплоть до парашютной вышки, мечты многих моих сверстников. Помню свой первый класс, в нем учились исключительно мальчики, учеба была раздельной — девочки учились в параллельном классе. Почему так? — до сих пор не понимаю. Скорее всего, по какой-то идеологической глупости, чем кавказскому менталитету.

Я не успел полюбить свою первую малую Родину — в конце 1953 года наша семья переехала на другую окраину страны — в Измаил под Одессой. От Владикавказа осталась отложенный спрос на разгадку трагической судьбы родителей моей мамы — терских казаков Сытиных, раскулаченных в начале 1933 года и высланных из станицы Горячеисточненской (сейчас аул Толстой-Юрт под Грозным) на Алтай. У деда Василия Ивановича Сытина было десять детей от двух браков, в том числе моя мама и трое ее сестер от второго брака. Именно эту вторую семью отправили на спецпоселение. Жили трудно, но дружно. Бывший кавказский пленник (был такой эпизод в биографии деда — почти по Льву Толстому) и георгиевский кавалер первой мировой войны вернулся с семьей на Кавказ спустя семь лет. С ними уже не было Ольги, моей будущей мамы. Девочка четырнадцати лет со строптивым характером бежала из поселения под Новокузнецком и на попутных поездах добралась до Владикавказа, который она спустя два года защищала от немцев как участница народного ополчения.

Здесь она встретила моего отца — Александра Трифоновича Димова, полуинженера, который с отступающими частями Красной Армии прошел боевой путь от только что ставшим советским Измаила до Сталинграда, а потом попал на Кавказ и нашел свою любовь и судьбу. И это несмотря на огромную разницу в образовании — папа закончил Болградскую королевскую гимназию, получил европейское образование, знал румынский, болгарский, французский языки в совершенстве, до конца жизни читал французские романы в подлинниках. Позже отец получил высшее техническое образование, был руководителем измаильского клуба ДОСААФ и крупной автобазы. Мать полностью посвятила себя детям, безропотно выделяла мне из скудного семейного бюджета деньги на мои первые любимые книжки — "Пятнадцатилетний капитан" Ж. Верна, "Книгу чудес" Марко Поло, книги о Суворове и Наполеоне, романы Фенимора Купера. Покупала пластинки с записями оперетт Штрауса и Кальмана, либретто самых известных оперетт в семье знали наизусть и напевали любимые дунайские мелодии в минуты отдыха. Родители спокойно относились к моему интересу к нумизматике и собиранию марок экзотических стран. Они считали, что это расширяет кругозор. В то время как отец много работал, мама поощряла нашу свободу и мир увлечений.

Итак, со второго класса я жил и учился в Измаиле, городе с большой романтической историей. Без преувеличения — это был перекресток мировой истории между Европой и Азией в античные времена и Средневековье, южная часть богатейшей дунайской цивилизации, где на протяжении столетий сталкивались интересы Австро-Венгрии, Турции, России, балканских стран и народов Бессарабии. Античные городища сменялись генуэзскими крепостями, французские фортификаторы перестроили турецкую крепость Измаил, которую штурмом взяли суворовские чудо-богатыри в 1790 году. Это событие воспел в восьмой главе "Дон-Жуана" Байрон, а участники штурма Дерibas, Ришелье, Ланжерон и Деволан на флагманском корабле Дунайской флотилии могли помянуть о будущей зоне портофранко Одессы. Античные находки за городом и ближайших селах развивали мой вкус и воображение. Молодой романтик искал следы Овидия, хотя место ссылки поэта находилось в 300 км южнее в Томах (рум. Констанца), рылся в руинах турецкой крепости, слушал рассказы бывалых дунайских моряков о Тироле и сказочных альпийских городах Инсбруке, Регенсбурге, Пассау. А на измаильском базаре (базаре, а не рынке) по торговым рядам ходил со свитой чиновников первый секретарь Измаильского обкома партии, дважды Герой Советского Союза А.Ф. Федоров и ударами пар-

Владимир ДИМОВ

ГЛАЗАМИ ЧАЩКОГО

Так будет называться очередная книга Почетного члена Всемирного клуба одесситов — Владимира Александровича Димова. Подзаголовок к книге вводит читателя в биографию автора: "Об одесском романтизме, университетском свободомыслии и реформах, которых не было".
Сегодня мы предлагаем читателю несколько первых глав этой книги, которая выйдет в Москве весной 2011 года.

тизанской нагайки умирал явных спекулянтов, таким образом "регулируя" потребительские цены. В соседнем дворе на нашей улице Толбухина жил адъютант героя гражданской войны Григория Котовского дед Иван Смирнов и капитан легендарной подлодки Черноморского флота Павел Александрович Чернов, герой обороны Одессы и Севастополя. Для молодого любознательного ума источников размышлений и переживаний было более чем достаточно. Но главными кумирами и воспитателями стали трое моих школьных наставников.

Первым из них был учитель истории соседней средней школы № 15 Сергей Иванович Кирилюк, автор краеведческой книги об Измаиле и Бессарабском крае. Его патриотическое сознание сформировала война, он искренне считал, что низовья Дуная еще тысячу лет были исконно русскими землями, населенными славянскими племенами со времен похода киевского князя Святослава в Дунайскую Болгарию. Все войны с турками были справедливыми со стороны России, так как речь шла о возвращении исконно русских земель в состав империи (Бессарабия вошла в состав России только в 1812 году). Имена Суворова и Кутузова произносились Сергеем Ивановичем со священным трепетом. Он считал, что благодаря их подвигам мы живем сегодня на благословенных берегах Дуная, где итальянское солнце, бескрайние плантации виноградников и черешневых садов, весной устойчивый запах цветущих акаций и бесчисленные археологические древности под ногами. Здесь живут совершенно особые люди, изначально считавшие вопрос о национальности недопустимой формой ксенофобии.

Действительно, Бессарабия являла собой букет десятков национальностей окраины СССР, была одним из осколков Европы в большой стране. Все это было предметом особого бессарабского патриотизма Кирилюка. У него как историка была "ахиллесова пята" — он слабо знал классиков и источниковедение. Во время первого знакомства в квартире Сергея Ивановича, к которому я пришел показать горсть найденных мною античных монет, была заключена конвенция — я стал его консультантом по нумизматике. Я тоже не всегда все понимал, начал переписку с Эрмитажем (почему-то мне больше отвечал Игорь Спасский, которого я считал специалистом по русским монетам). Сергей Иванович относился ко мне как своему ученику в нешкольном смысле этого слова, у нас были общие творческие планы (мне было 15 лет). Через три года я ушел в армию, он писал мне в Сталинград, несмотря на тяжелую болезнь. Потом все это сразу оборвалось, осталась память и чувство неисполненного долга и вины перед первым учителем, дружба с которым определила мою творческую судьбу на долгие годы.

Может быть, он искал истину несколько наивными способами, но никогда не лгал и был независим, писал статьи и книги не по заказу, а по зову сердца и нравственному императиву. О его бескорыстии ходили легенды. Значительно позже я посмотрел фильм с бессарабским сюжетом, где Игорь Костоловский играет учителя астрономии, влюбленного в прекрасную куртизанку из Бухареста (ее играет Вертинская). Кирилюк в жизни был учителем для немногих, он преподавал особую науку историю, которая была так же далека от обывателей, как астрономические штудии героя Костоловского. Науку, форма существования которой — утопия. Это больше чем профессия, это мудрость чужака.

Школьнику Вове Дымову (только при выдаче аттестата зрелости мне заменили невестку откуда появившуюся еврейскую фамилию на Димова) повезло с русской литературой, которую преподавал в средней школе № 16 завуч Семен Лазаревич Абель. Когда преподаватель фанатично любит свой предмет, — эта любовь и интерес быстро передаются детям. Абель был не просто учителем, он был собирателем

прижизненных изданий русских классиков. На уроки он иногда приносил первые издания Пушкина, Лермонтова, Гоголя. И в каком виде — в издательских обложках и переплетах XIX века! Старая русская книга стала частью мира моих увлечений, она вводила не только в тексты, но и в творческую атмосферу русских поэтов и писателей. Абель навсегда сделал меня пушкинистом. Выступая в 1999 году в Пушкинском доме, вспомнил эту трогательную историю про Измаил и Абея. Вспомнил нервный трепет, когда увидел домашнюю коллекцию прижизненных тетрадок "Евгения Онегина", тогда я получил в подарок от Семена Лазаревича отдельный том сочинений барона Брамбеуса (востоковеда и журналиста Сенковского — современника А.С. Пушкина). К сожалению, этот первый в моей жизни книжный раритет сохранить не удалось.

Абелевские уроки поражали деталями, которых мы не находили в учебниках. От Абея я впервые узнал о дружбе Пушкина и Липранди (кстати, они вместе посетили Измаил в период южной ссылки поэта), о его связях с будущими декабристами. Впервые прозвучало имя Петра Яковлевича Чаадаева как старшего друга и наставника поэта. От Абея сохранилась традиция читать полные собрания сочинений — в них бездна недоступных большинству деталей биографии и творчества. Только они создают ощущение подлинности от личности автора, позволяют трезво оценить последующие идеологические наслоения. Абель воспитал во мне интерес к литературному творчеству — и это без преувеличений. Он умер, когда начались мои первые литературные опыты. Иногда мне кажется, что ему не удалось реализовать самого себя, но потом вспоминаю отзывы своих одноклассников и отказываюсь от своего пессимизма — ему ведь действительно удалось посеять в наших душах умное, прекрасное доброе русское слово и в отдаленной советской провинции привить своим ученикам любовь к русской культуре. И еще один урок для будущего автора "Всей Одессы": Семен Абель всегда был и останется для меня русским человеком, всегда и при всех обстоятельствах.

Третий мой наставник был тренером детской спортивной школы. Арнольд Александрович Лещинер, или просто Арнольд, был ярко выраженный эстет. Познакомились мы с ним в Межрейсовом клубе отдыха иностранных моряков у моего дяди Михаила Трифоновича Димова, который многие годы был главным переводчиком Советского Дунайского пароходства. Арнольд был одним из лучших на Украине тренеров по легкой атлетике, его воспитанники были участниками европейских и мировых первенств, призерами и чемпионами СССР. Скажу сразу, он выбрал меня не как перспективного спортсмена (мое "высшее" спортивное достижение — чемпион спортклуба МГУ по тройному прыжку в 1968 году). Скорее ему нужен был собеседник, воспитанник духовного плана. Если любовь к итальянской живописи во мне воспитал Стендаль, то Арнольд научил меня разбираться в итальянской опере. Его интересы не ограничивались оперой, мы часами слушали в клубе итальянскую и румынскую эстраду, народные тирольские мелодии. Человек свободной профессии, меломан и теннисист, он был единственным персонажем из моего внешкольного окружения, позволяющим себе вслух комментировать политические новости и идеологические перегибы. Мы много спорили о современной истории. Он был в ужасе, когда узнал, что я сдал экзамены на матроса II класса и стал готовиться к морской карьере. Со второго захода матрос Димов стал студентом философского факультета МГУ (слабое утешение для историка!), а спустя два года в поисках "железных законов" истории перевелся на экономический факультет. Помню его последнее письмо ко мне уже из Киева, где он критиковал меня за это решение. К философии он относился лучше, чем к экономистам, может быть, потому что сам был философом.

Главное в его личности было искусство жизни, которым он владел в совершенстве. Более интересного и гармоничного человека я, пожалуй, больше не встречал. Всегда в отличной физической форме, блестящий собеседник, знаток музыки, поэзии и юмора, он был украшением любой компании, вокруг него всегда были интересные люди, составлявшие абсолютно реальный клуб Арнольда. Есть вещи, которым нельзя научиться по книжкам, нужен пример. Красоту жизни мне открыл Арнольд, он же научил своих воспитанников правилам жесткой конкуренции в спорте и в жизни. Для многих своих воспитанников — Саши Чадаева, Артема Москалева, Миши Семенцова, Зины Выходченко, Вадима Царева, меня — Арнольд остался эталоном русского европейца. Он сумел увидеть в нас, подростках, искры таланта, поддерживал нас и вытаскивал на другие духовные орбиты. И делал это бескорыстно и с полной отдачей душевных сил.

Свою книгу "Вольный Дунай" я посвятил Сергею Ивановичу Кирилюку, Семену Абею и Арнольду Лещинеру — спутникам моей счастливой измаильской юности. Им я обязан своими горизонтами исканий, измаильским интернационализмом, привязанностью к либеральным ценностям Старой Европы. Некоторые одесситы в 1999 году сетовали на то, что автор "Всей Одессы" не одессит, а уроженец провинциального Измаила. Это говорили люди, в головах у которых глухая провинция. Горжусь, что свою юность провел в самом романтическом городе в мире и что у меня были такие учителя-романтики.

СТАЛИНГРАДСКАЯ ПРИСЯГА

Меня призвали в армию после первого неудачного поступления на исторический факультет МГУ. Мало было знать всех римских императоров или маршалов Наполеона. Надо было уметь идеологически препарировать факты и артефакты.

Мне повезло в том смысле, что я попал служить в город, который защищал мой отец в 1942 году. Это было не чья-либо импровизация, это была просто судьба. Сталинград только что был переименован Хрущевым в Волгоград, но сталинградцы поколения середины 1960-х не приняли такой формы борьбы со сталинизмом. Конечно, это был идеологический перегиб Хрущева, никто тогда не удосужился разделить Сталина, сталинизм и Сталинград, священное место подвига советского народа во второй мировой войне. Уважаю Эль-Аламеин англичан и атолл Мидуэй американцев, их победы в 1942 году, но Сталинград стал главной точкой перелома в войне. Это бесспорно. Спорно другое: почему в Париже до сих пор есть площадь Сталинграда, а банальное Волгоград переключало в Москву под именем Волгоградского проспекта. Это и есть стыдливый патриотизм наших политиков со сталинистскими взглядами. Я больше верю оценкам де Голля, который нашел время, силы и достойные слова во время посещения Сталинграда в 1965 году.

Моя присяга в этом городе стала символической: бессарабский юноша дал клятву служения большой Родине с аббревиатурой СССР. Этой клятве я никогда не изменял. Распад СССР был не результатом козней внешних врагов, это был естественный исход для политической системы самодержавия (императоры, цари, генсеки, президенты и т. д.), отсутствия механизмов саморазвития и конкуренции. Коммунистическая вертикаль власти исчерпала себя. Поверьте, за тридцать лет я не смотрелся во власти таких деталей и признаков увядания режима, его агонии, что в этом не сомневаюсь. После первого года службы (из трех) я был направлен в Подмоскovie на годичные курсы помощников замполитов час-

тей и соединений по комсомолу, потом продолжил службу и комсомольскую стажировку в Сталинграде.

Летним вечером 1965 года с высоты четвертого этажа заново отстроенной казармы учебного полка я, двадцатилетний помощник замполита по комсомолу, наблюдал странную картину: вдоль всей дороги, ведущей к центру Сталинграда, в спешном порядке устанавливался многокилометровый зеленый забор. Замысел этой затеи, видимо, заключался в том, чтобы прикрыть незастроенные районы города, где по оврагам ютились многочисленные землянки. Либо оням перед кем-то было очень стыдно, либо они решили кого-то обмануть. Наутро все выяснилось, потемкинские заборы предназначались для президента Франции Шарля де Голля. Судьба угодного было распорядиться так, что через день я стоял в оцеплении на площади Павших бойцов (где был взят в плен в подвале универмага фельдмаршал Паулюс) и буквально в трех десятках метров от себя увидел великого человека. Генерал оказался выше, чем я предполагал, он был одет в полувоенный френч и что-то взволнованно рассказывал своим спутникам.

Генерал обратился к собравшимся по-русски: "Граждане героического Сталинграда!". Слово "Сталинград" он произносил с каким-то мягким акцентом — что-то вроде "Сталинград" — по всему было видно, что встреча со Сталинградом и сталинградцами искренне волнует его. Потом генерала повезли на Мамаев курган, где только что был завершен скульптор Вучетичем мемориальный комплекс, посвященный защитникам Сталинграда.

За три года я полюбил Сталинград, по долгу службы организовывал встречи с ветеранами Сталинградской битвы, гостями города. Помню встречи с бывшим командующим армией Сталинградского фронта Трофимом Калиловичем Коломийцем, знаменитым летчиком Кожедубом, разведчиком-нелегалом Рудольфом Абелем.

Бывший чапаевец Т.К. Коломиец в годы войны оборонял Одессу, Севастополь и Сталинград. В начале 1943 года во время тяжелейших боев на Сталинградском направлении Сталин неожиданно сместил Коломийца с должности командующего армией. И его имя надолго исчезло со страниц книг и монографий. Во время первой личной встречи исповедь ветерана потрясла меня. Даже сейчас эта правда кажется слишком неудобной для военных историков. А тогда, в 1965 году, я напрямик спросил старика: "За что вас не любил Сталин?". Генерал вдруг как-то обмяк, на его глазах появились слезы. — "За жалость к русскому солдату". Голос его дрогнул, но он быстро взял себя в руки. Тем не менее, как и многие сталинградцы, Трофим Калилович не признавал переименования Сталинграда в Волгоград. Он считал, что эта инициатива Хрущева (или серого кардинала партии Сулова) будет отменена как историческая несправедливость, как пример национального унижения и принижения нашей победы.

В Сталинграде меня рекомендовали на должность секретаря обкома ВЛКСМ по патристическому воспитанию, дважды я был делегатом областных конференций. Я отказался, сказал, что буду поступать в Московский университет. Старшие товарищи обиделись, прослужив три года и месяцы, я уезжал в Измаил один и в подавленном состоянии. И вдруг на привокзальной платформе увидел своего замполита, подполковника Анатолия Павловича Ратковского. Машинально шагнули друг к другу и крепко обнялись, без слез и благодарностей. Впереди была университетская жизнь.

УНИВЕРСИТЕТ ЛОМОНОСОВЫХ

Я всегда любил учиться. Летом 1963 года медалист Вова Димов из далекого бессарабского города Измаила, знаменитого по суворовскому подвигу 1790 года, поступал на исторический факультет МГУ. Ученик измаильского краеведа Сергея Ивановича Кириллюка был влюблен в историю. И эта любовь не ограничивалась чтением греческих и римских историков. В "круг чтения" входил университетский курс истории Древнего Рима Н.М. Машикина. Большим подспорьем в изучении французской истории был большой иллюстрированный "Petit Larousse", подарок дяди — Владимира Трифоновича Димова. К любимым книгам относились "Спартак" Джованьоли и трилогия Яна "Чингисхан" — "Батый" — "К последнему морю". Во мне было много энтузиазма и оптимизма, дядя обещал рекомендацию в МГУ от своего бывшего партизанского командира, первого секретаря компартии Молдавии Бодюла. Но я не понимал, на что замкнулся. Измаильский медалист провалил практически все экзамены: сочинение — 3, история — 4, русский устно — 3, английский — 4. Конечно, было состояние шока и досады. Особенно досадовал на "четверку" по истории — много наговорил экзаменатору о великом противнике Рима понтийском царе Митридаде VI Евпаторе, но не сумел дать внятную "классовую" оценку восстания Савмака. Тема-то была своя, родного Причерноморья.

Впоследствии я все-таки признал все оценки истфакских преподавателей объективными. Литературу надо знать не по учебникам, чтобы писать грамотно, надо больше писать. И главное, исторические факты — это еще не история. Эти признания пришли со временем. А пока предстояло идти в армию. На втором году службы в Сталинграде-Волгограде поступил во Всесоюзный заочный финансово-экономический институт, — чтобы не отстать безвозвратно. В 1967 году после армии и полутора лет учебы забрал из ВЗФЭИ документы и вновь вернулся в МГУ. На философский факультет поступал благодаря случаю — поздно приехал в Москву, а на истфак документы уже не принимали. И тут моя неразделенная любовь к истории сыграла со мной приятную шутку. Первым был экзамен по истории СССР.

Вхожу в аудиторию в старом здании философского факультета на Моховой, беру билет. По внешнему виду, конечно, я уже не напоминаю школьника, все-таки офицер запаса. Первый вопрос — о международном положении России перед нашествием Наполеона 1812 года. Второй — что-то про Семнадцатый съезд — "съезд победителей". Я смотрю на экзаменаторов. "Идите готовьтесь", — говорит как-то доброжелательно один из них. "А можно я буду отвечать сразу?" — неожиданно спрашиваю я. "Что ж, попробуйте", — слышу я неуверенный ответ. И тут я понял, что совершил самонадеянную ошибку, что в подобных ситуациях нормальные зрелые люди так себя не ведут. Но отступить было некуда, во мне проснулся отчаянный игрок. Только ставкой был университет. Меня понесло. Я стал рассказывать о политических интригах Наполеона против России — в Польшу, Швецию и Турцию, что России грозила в 1812 году война на три фронта — с Великой Армией Наполеона на московском направлении, новая война с Турцией на нас и война со Швецией, где наследник принцем стал бывший наполеоновский маршал Бернадотт. Не останавливаясь, перешел к романтической биографии революционера на шведском королевском троне — о любовном треугольнике Наполеон — Дезире Кларе — Бернадотт, об устоявшейся неприязни Наполеона к своему маршалу, его подозрениях в нечеловечности. Потом перешел к Сухтелену 1-му и Кутзову, двум мирным договорам весны 1812 года. И тут меня остановили. В руках у меня была зачетка. Я вышел за дверь, кто-то вырвал у меня из рук зачетку и выдохнул: "Пятерка". Я был близок к обмороку — все это означало, что я как медалист буду зачислен в университет. Дальше я стал действовать по еще более глупому сценарию: дождался конца потока экзаменуемых и пришел со словами благодарности. "Приходите к нам на кафедру. Нам кажется, что вам интереснее было бы учиться у нас, на историческом", — услышал я. Я обещал, но не пришел. Надо было выполнить множество формальностей, потом события на философском факультете поглотили меня полностью.

"КЛУБ-307" НА ЛОМОНОСОВСКОМ

В комнате 307 четвертого корпуса студенческого общежития были поселены Сережа Кирин, сын профессора математики Вологодского пединститута, Саша Трофимов из Краснодара, Володя Федоров из далекого сибирского города Ишим и я. Что нас объединяло? Во-первых, все мы поступили в университет не со школьной скамьи, за плечами каждого из нас был определенный житейский и профессиональный опыт. Во-вторых, все мы жили ощущением неизбежных перемен и прошли по жизни школу здоровой идеологизации. К партийным ценностям мы относились как к неприятному соседу, с которым обречены поддерживать хорошие отношения, улыбаться и говорить "здоровствуйте". И, в-третьих, мы не были карьеристами. Никто из нас не мечтал сделать партийную карьеру или попасть в госаппарат. Планировали другого свойства — получить достойное образование и по возможности понять, в чем наша судьба, судьба нашей страны, куда движется мир. В этом смысле мы были максималисты. Нас связывала настоящая мужская дружба, в течение года мы жили студенческой коммунальной, поддерживая друг друга материально, оберегая товарищей от многочисленных угроз, которые исходили от администрации и комсомольских активистов, сторонясь стукачей и не в меру благонадежных. Мы делились идеями, восхищались одними и теми же книгами, имели общих друзей и знакомых, вместе ходили на лекции опального философа Асмуса или на концерты в Малый зал консерватории по бесплатным абонеентам. Каждый из нас ежедневно делал собственные открытия и делился ими с друзьями. Наша дружба была непритязательна, но надежна. К нам потянулись!

"Клуб-307" стал местом, где собирались советские и иностранные студенты. Примечательно, что было много москвичей. Мы никому не навязывали своих оценок и вкусов, но с нами считались. Но вместе с тем мы были разные. Сын профессора-математика Сережа Кирин прекрасно разбирался в новой для нас дисциплине — математической логике, и был

на хорошем счету у профессора Евгения Казимировича Вейшвилло, который читал нам этот курс. В качестве специалиста по матлогике Сережа опекал всех нас. Я был "влюблен" в Валентина Фердинандовича Асмуса, не пропускал ни одной его лекции и слыл специалистом по античной философии. Сашу Трофимова интересовала музыкальная эстетика, это благодаря ему мы окупились в мир хорошей музыки и музыкантов, тратили и без того скудные студенческие средства на пластинки и музыкальную литературу. Вову Федорова интересовали вопросы познания и философские проблемы современной науки.

В начале второго семестра один из членов нашего "Клуба-307" "забастовал". Саша Трофимов перестал ходить на лекции и семинары, лежал или сидел в своем углу и безотрывно читал небольшую книгу в розовой обложке. Всем своим видом и поведением он давал знать, чтобы ему не мешали. Мы были заинтригованы. Книга называлась "Трагедия эстетизма. Опыт характеристики миросозерцания Серена Киркегора". Автором ее была Пиамма Павловна Гайдено, недавняя аспирантка В.Ф. Асмуса, специалистка по зарубежной философии. Примечательно, что книга Гайдено вышла в издательстве "Искусство".

Книга была новая, в библиотеке ее еще не было, поэтому мы читали ее долго и основательно. Книга учила не философии, не истории мысли, книга учила философствовать. Мы в университете были подвержены всем ветрам перемен и влияний, но ко всему относились критически. Зачастую новые идеи оказывались перевернутом хорошо забытых старых. Мы уже знали в общем виде, что такое экзистенциализм, читали Сартра и Камю. Но чаще всего относились к ним как представителям литературного модернизма. Модные термины "экзистенциальный выбор", "пограничная ситуация" то и дело мелькали в студенческих разговорах, но это были не более чем разговорные штампы.

Книга П.П. Гайдено вводила читателя в основную проблематику экзистенциализма, да еще на каком примере — личной судьбе и эволюции взглядов самого Серена Киркегора, родоначальника экзистенциализма. В каждом из нас было немало природного романтизма, и книга обещала философское познание. Миросозерцание Киркегора возникло на основе католической триады. Каждый человек в своей жизни должен последовательно пройти эстетическую, нравственную и религиозную стадии. Но опыт подсказывал, что это движение у каждого человека протекает индивидуально. Есть поэты и художники, так и не преодолевшие нравственного барьера, учителя и ученые, ни разу не обратившиеся к Богу, но есть масса верующих, чуждых прекрасного, чья эстетика не идет дальше природных инстинктов и народных суеверий.

Книга Гайдено рассчитана на интеллектуалов. Пока идет речь о личной судьбе Серена Киркегора и его трагической любви к Регине Ольсен, — все близко и понятно. Но вскоре читатель убеждается, что речь идет о чем-то большем, речь идет не только о фигуре эстетика, но и об иронии как способе его мышления и существования. Ирониками были Сократ, Шиллер и немецкие романтики, ироником был и ранний Киркегор. Ирония — это патологическое состояние души. И только через диалог красоты и добра можно преодолеть эстетизм и обрести нравственную позицию. Но есть еще одна разновидность эстетизма — демонический эстетизм, и только ему присуще особое чувство трагической вины. Стадии демонического эстетизма представляют Дон Жуан и Фауст, Нерон и рыцарь веры Авраам. Эстетиков этого рода ожидают состояние отчаяния и абсурда либо спасительная вера.

Я сознательно опустил в этом изложении многие детали. Что следовало из идей этой эпохальной в духовном отношении для "Клуба-307" книги? Во-первых, есть вечные вопросы существования, по которым каждый должен принимать собственное решение и делать свой выбор. Ни политическая история, ни смысл мировой истории, ни научно-технический прогресс, ни Система и Коллектив здесь не помощники. Во-вторых, достоинство человека определяется только им самим, а не принадлежностью к Системе. От этого вывода только один шаг к тезису, что свобода человека и его ценности выше интересов тоталитарного государства. Мужичина — это не человек с чином, как иронизировал А.П. Чехов в записных книжках, в демократическом обществе главная ценность — это сам человек.

ФИЛОСОФ АСМУС

Я впервые увидел Асмуса в 1967 году на установочной лекции, которую он читал на философском факультете Московского университета (старом здании на Моховой). Аудитория была забита до отказа. Кроме преподавателей и студентов было много старых почитателей Валентина Фердинандовича — поэты, писатели, музыканты. У всех на свежей памяти было событие большого общественного звучания — смерть Б.Л. Пастернака и выступление Асмуса в Переделкино. В огромной стране нашелся такой человек, который вслух назвал автора ан-

тисоветского романа "Доктор Живаго" классиком русской литературы. Читал Асмус неторопливо, просто и доходчиво объяснял начинающим, что философия — это не только профессия, это — призвание, и лучшие учителя — классики мировой философии. Чаще всего в его речи звучали имена Платона и Канта.

Потом мне посчастливилось прослушать спецкурс Валентина Фердинандовича по истории античной философии, и первое мое впечатление оказалось правильным. Его олимпийская невозмутимость, сдержанность, какая-то особая интеллигентность создавали для окружающих несвойственный для эпохи образ мыслителя от Бога, через которого из глубины веков передают нам эстафету знания и мудрости Сократ и Платон, Декарт и Кант, Гете и немецкие романтики. Священные тексты зажигали его — у слушателей порой создавалось впечатление, что устами Асмуса вещают божественный Платон или олимпиец Гете. Перевоплощение невозмутимого Валентина Фердинандовича было подарком только для тех, кто был признан им участником равноправного диалога, не был карьеристом или "пустым местом".

Асмус был немец или, как он любил называть себя, обрусевший немец. Его предки приехали в Россию из Виттенберга. Первые этапы его восхождения к высотам европейской науки были связаны с Екатеринбургским реальным училищем и Киевским университетом, среди выпускников которого была еще одна философская знаменитость — Николай Бердяев. С малых лет Асмуса сопровождала музыка Моцарта и Верди, Глинки и Чайковского. Среди любимых опер — "Фауст" Гуно и "Кармен" Бизе. В дальнейшем молодой философ отдавал предпочтение серьезной симфонической музыке. Но главным университетом оставалось чтение классиков.

О его прошлом в двадцатые-сороковые годы ходили легенды. В этот период он писал относительно мало. В общественном сознании за ним закрепилось место "философской тени" Н.И. Бухарина, некоторые запальчивые марксисты называли его "воинствующим кантианцем" и даже "последним меньшевиком". Асмус молчал. Он избегал грязных дискуссий в духе времени. Круг его друзей был невелик — музыканты Генрих Нейгауз и Мария Юдина, опальный философ Алексей Лосев, поэт Борис Пастернак. Сохранился портрет профессора В.Ф. Асмуса фотохудожника Напельбаума начала 1940-х годов. Сосредоточенное выражение лица, плотно сжатые губы, он готов к самому худшему. Но Сталин не тронул ни Пастернака, ни Асмуса. В сталинской библиотеке были книги молодого профессора. Интуитивно "вождь народов" понимал, что Асмус — философ европейского уровня. Когда неизбалованный вниманием Валентин Фердинандович попросил у власти разрешения приобщиться в Германии домашний телескоп, то этим вопросом занимался сам председатель Совнаркома В.М. Молотов. Вечный бег звезд и философия — это где-то рядом, — решили наверху. Но в 1947 году Асмус был подвергнут уничтожающей критике как один из авторов трехтомного издания "Истории философии" под редакцией Г.Ф. Александрова. Асмус наряду с Зощенко и Ахматовой стал идейным врагом властей и "серых кардиналов" партии Жданова-Сулова. Двадцать лет его выдвигали в академики — отказ. Власти смирились с тем, что Валентин Фердинандович стал почетным членом Международного института философии в Париже, но тут же отомстили — Асмус по-прежнему оставался невезучим. Его работы о Гете, Канте, историко-философских проблемах знали в крупнейших научных и университетских центрах Европы, а ему был запрещен выезд даже в страны народной демократии. Власть его боялась. И это было вплоть до его смерти в 1975 году.

В последние годы все чаще говорят о духовном трио — Б. Пастернаке, М. Юдине и В. Асмусе, противостоящем властям. Реально довольно сложно отделить духовную составляющую их дружбы от политической. Надо было иметь смелость, чтобы в 1965 году заявить партийным оппонентам: "По поводу "Доктора Живаго" ничего сказать не могу и никаких рецензий писать не буду. Вот опубликуете роман — тогда поговорим". Так с властями мог говорить только человек, уверенный в своей правоте и с собственным взглядом на будущее.

Летом 1968 года, наслушавшись Асмуса и обретая пьянящее чувство свободы и достоинства, студенты толпами ездили на могилу Пастернака. А по вечерам в студенческом общежитии на Ломоносовском проспекте обсуждали университетские новости, новые подробности из старых легенд о любимом профессоре и удивлялись природному чуду — на могиле Бориса Леонидовича вырос хрупкий колосок пшеницы — прямо из сердца, — комментировали самые эмоциональные. Спустя годы я согласился с ними — чем не знамение века?

Я не был аспирантом Валентина Фердинандовича, не был знаком с его семьей, не стал профессиональным философом, но Асмус стал неотъемлемой частью моей духовной биографии. Это неизмеримо больше, чем его автографы в старой студенческой зачетке.

Продолжение следует.